

Ирина Костарева

побеги

NoAge
polyandria

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44
К72

В оформлении обложки использована картина
«In the Summer Evening», автор David Grossmann

Дизайн обложки Анны Стефкиной

Костарева, Ирина.

К72 Побег : [роман] / Ирина Костарева. — Санкт-Петербург : Polyandria NoAge, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-6052402-1-1

© Костарева И. А., 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2025

Пролог

Летом в саду всегда много солнца. В первые минуты утра влажные лепестки наливаются алым светом, пока маленькие мушки колеблют их в тишине дыхания тлеющей земли.

Сад разбит на холме. Белая тропка — его выгнутый хребет. Она тянется сквозь спутанные побеги золотарника. Желтые метелки раскачиваются на ветру как знамена, пока корни ведут жестокую борьбу под землей. Ядовитый сок, который они выделяют, для других цветов губителен, и с каждым годом золотарник оттесняет их все дальше.

На подступах к саду из земли торчат обломки кирпичей — каменные драконьи зубы, защищающие порог. Здесь палитра меняется и желтый растворяется в пурпурном. Выверенным полукругом горят факелы флоксов. Их цветки бледно-розовые по краям, но с яркими точками в середине. Тугие стебли трескаются под весом пылающих изнутри соцветий. В просторной тени флоксов раскрыла темно-розовые зонтики пеларгония садовая. Вокруг невысокими колышками высятся бледно-фиолетовые кроку-

сы. По земле стелются анютины глазки — уже совершенно лиловые, как сутаны католических епископов. И вдруг — ноготки: будто парча вспыхнула от поднесенной к ней спички. Огнем разгораются желтые и оранжевые бархатцы, а затем — алые цинии. Накалившись докрасна, возносится к небу пламя золотых, с обугленными сердцевинами рудбекий. Шагнешь в этот пылающий обруч и вдруг окажешься в голубоватой зелени диких трав, переливающейся редкими всполохами мышиноного горошка и колокольчиков. Это темное место охраняют пионы и папоротники. В центре сада — фонтан, но вместо воды — холодные и светлые, как родниковые струи, широкие листья хосты. За десять дней до конца июля она начинает цвести крупными колокольчатыми цветами. Кажется, что они вылеплены из фарфора.

В пожирающем великолепии света сад дробится на разноцветные узоры, словно глядишь на него через зеркальные стеклышки калейдоскопа. Каждое вращение оптической игрушки отмеряет новый день, неделю или месяц: увядая, одни цветы уступают другим, и картина меняется.

Солнце остается в саду на целый день: здесь нет ни домов, ни деревьев, которые могли бы его спрятать. К закату небо становится красным, а любая зелень — черной, но с наступлением сумерек эта сгущенная тьма разносится по воздуху, равномерно окрашивая все в сизый.

Но прежде, чем появился сад, была земля. Расчищенная и утрамбованная, она предназначалась под фундамент дома, который не был построен, потому что странно возводить дом, когда развали-

вается целая страна. Потом птицы и ветер — властелины судьбы — занесли семя на поверхность холма, и здесь поселились первые цветы и травы.

Поселок стоит посреди леса и торфяных болот. Торф зреет долго. Застоялая почва, сизая и волокнистая, выткана останками мертвых растений. Запечатанные в воде без кислорода, они обречены на вечное умирание, так никогда и не завершив цикл, который должен был вернуть их к жизни, ведь *перерождение* — это всегда и *перемуирание*.

Торфяные почвы бедные и неплодородные, но попавшее в землю семя примиряется с этими условиями. С первых часов жизни оно отправляет свои слепые корни в долгие и трудные поиски необходимых элементов питания. А пустив росток, безмолвно противостоит бедствиям уже с помощью стеблей и листьев — только бы выжить! Прикованный корнями к земле, обреченный на вечное прозябание, маленький цветок отдает все силы ради спасения потомства, разбрасывая семена как можно дальше и ловчее.

Год за годом торф тлеет под слоем земли и песка, напоминая о себе легкими струйками дыма, разглядеть которые можно только в безветренную погоду. Спрессованные в однородную массу чернобурые стебли и листья — это самовозгорающийся фитиль. Земля зажигает его своим теплом, и все вспыхивает. Огонь трещит, как кости.

В сезон пожаров холм окутан дымом, но стоит переступить порог сада, как из этой завесы выплы-

вают сладкие флоксы — так пахнет оброненная в золу карамелька.

Сад открывается постепенно — не видно ничего, что находится дальше двух шагов, но каждый цветок вблизи ослепительно-яркий. Склонишься над ирисом, вдохнешь его потустороннюю прохладу, и можно двигаться дальше, неся на себе чуть горьковатый аромат. Оказавшись в саду, переходишь в другое время и не можешь вспомнить момент входа. Дорожки никогда не прерываются, и по ним можно бродить часами, не останавливаясь. В отсутствии линии горизонта и высоких деревьев ориентироваться получается только по цветам, точно подмечая едва уловимые различия.

Люди верят, что разговаривать могут мертвые, но не верят, что могут говорить цветы и травы. Сад говорит с теми, кто умеет слушать. Он приказывает: «Посмотри на меня!»

Глубоко в земле, под круглой клумбой с бессмертником и лавандой, лежит человек. Руки сложены на груди, лицо обращено к потрескивающей темноте. Торф замедлил процесс разложения, но цветы уже пустили корни сквозь дуги ребер. Питаясь смертью, побеги тянутся к свету. Прорастая в человеческой плоти, они раскрывают толстые бутоны с самыми красивыми цветками, чей запах такой сильный и яркий, что стебли кренятся под его весом.

Пройдут десятки лет, и никто не вспомнит имени, зарастут тропинки и рассыпятся в прах дома. И только сад будет расти и множиться, пока не охватит собой весь поселок и тот не сгинет в ненасытном цветущем лоне.